

Есть еще одна сторона в Повести о Меркурии Смоленском, не отмеченная исследователями. А. Кадлубовский высказывает недоумение, почему Меркурий должен погибнуть, почему он, прославленный герой, исполнивший волю богородицы, не мог прожить свои дни в покое и благочестии, приняв, например, монашество?²⁰ Но в том-то и дело, что народ, одарив своего героя мужеством и бесстрашием, наградил его еще и готовностью к самопожертвованию. Трусливым князьям и боярам, готовым ради сохранения своей жизни и власти на любое унижение и раболепие перед «погаными», народ противопоставляет мученика за землю, беззаветно преданного общему делу витязя, который с радостью заведомо идет на гибель, лишь бы спасти родной город.

Еще в большей мере, чем в Повести о Меркурии Смоленском, неприимимое отношение народа к татарскому игу отразилось в знаменитой Повести о разорении Рязани Батыем.²¹ Все содержание Повести, от начала до конца, проникнуто оптимизмом, никаким гнетом не убитым, никакими ужасами не приглушенным чувством народного достоинства.

В Повести нетрудно обнаружить двоякого рода наслоения и позднейшие вставки: это мотивы религиозные и мотивы рыцарские. Перед тем как Юрий Ингоревич начал «совокупляти воинство свое», он предается «великому плачу», обращается с молитвами к богу, произносит псалмы, словом, проделывает весь ритуал, который в таких случаях духовные писатели приписывают своим героям. Воодушевляя своих дружинников, Юрий призывает их постоять «за святая божиа церквы и за веру христианскую», «смертию живота (т. е. загробную жизнь, — И. Б.) купити» и т. д. Неоднократно подчеркивается, что все беды, обрушившиеся на Русскую землю, посланы богом за грехи. В полном противоречии с общим духом Повести высказывается мысль об обреченности рязанской дружины, несмотря на все ее мужество, ибо «противу гневу божию хто постоит!» Позднейшим переписчиком²² сделана вставка, что вместе с великой княгиней Агриппиной мученически погибли епископ и «священнический чин».

С другой стороны, в Повести нашла отражение идеология «господства рязанского», «удальцов и рязанцев рязанских», т. е. рыцарские умонастроения. Только при описании осады Рязани рассказывается о мужестве и стойкости обыкновенных горожан, во всех же остальных случаях храбрость проявляет исключительно княжеская дружина. Именно к ней обращается великий князь Юрий Ингоревич, называя ее: «господня и брата моя», «братие моя милая и дружина ласкова», «узорочье и воспитание резанское». Особенно много рыцарских мотивов в эпизоде с Евпатием Коловратом. По тексту некоторых списков он и погнался за Батыем из чисто рыцарских побуждений, «хотяше пити смертную чашу с своими

²⁰ Арс. Кадлубовский. Очерки... стр. 54.

²¹ Повесть издана Д. С. Лихачевым в публикации «Повести о Николе Зараском» (ТОДРА, т. VII М.—Л., 1949, стр. 257—406), где воспроизведены все редакции Повести о Николе Зараском (составной частью которой является «Повесть о разорении Рязани Батыем») почти по всем известным спискам. До сих пор в литературе обычно пользовались «сводным текстом» И. И. Срезневского (Сведения и заметки о малоизвестных памятниках, вып. 4. СПб., 1867, стр. 77—94), представляющим контаминацию нескольких списков и даже редакций, возникших в разное время. Приводимые ниже цитаты взяты из так называемой «Основной редакции А», являющейся, по-видимому, самой старшей (см.: В. Л. Комарович. К литературной истории Повести о Николе Зараском — ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 68). Д. С. Лихачев отмечает, что «в цикле повестей о Николе Зараском, несомненно, чувствуется древняя, весьма близкая по времени возникновения к изображаемым событиям основа» (ТОДРА, т. VII, стр. 260).

²² Так считает И. И. Срезневский (Сведения... стр. 85), ибо из летописи известно, что епископа рязанского «ублюде бог».